

августа 2021 года исполняется шестьдесят лет со дня рождения Александра Ромахова — уроженца Воронежского края и замечательного русского поэта, в творческом наследии которого есть стихи пронзительной силы и чистоты. Уже четырнадцать лет прошло с тех пор, как его нет. Внутренняя зрелость и поэтическая свобода неотделимы в ромаховском поэтическом мире от чувства сопричастности событиям эпохи, от сознания органичной принадлежности к великой русской культуре, от сердечного внимания к судьбам отчего края и своего народа, а каждая строка окрашена глубоко личным, до боли обостренным восприятием окружающего и ощущением трагизма современного бытия:

Все мы — дети дорожной пыли,
Зачинавшей от вечного праха...
Мы в обочины насмерть вросли —
И корнями сцепились от страха.

Подлинная поэзия с огромной силой воздействует на человека, заставляя нас радоваться и страдать, открывая глаза на красоту мира и побуждая размышлять над вечными вопросами. И в случае со многими ромаховскими стихами это, несомненно, происходит.

Но то, что творческий путь поэта оборвался так рано, так внезапно, по-прежнему вызывает боль. Хорошо, конечно, когда творение переживает своего творца. Однако хочется, чтобы и сам поэт — как правило, более растворенный в художественном замысле, чем озабоченный накоплением материальных благ, — был бы в жизни покоен и благополучен, чтобы обстоятельства давали ему время для досуга и сосредоточения, для философствования и для собственно «художества». И главное — для «стяжания духа мирна», после чего, по знаменитому высказыванию святого преподобного чудотворца Серафима Саровского, «тысячи вокруг... спасутся». Когда художник счастлив и беззаботен, душа его, отвлеченная от земных тягот, почти невесомая, во вдохновенном творческом созерцании как будто парит над замершим миром, с высоты наблюдая за его таинственными изменениями, и взгляд его — зорек, а слово — точно. Так и у Ромахова: «В озерах родины черна вода крещенская, глубокая...»

Увы, время исторических переломов редко совместимо с манящей легкостью и

возвышенностью бытия. Немного пришлось этой легкокрылой радости на душу поэта Александра Ромахова, смолоду трудно существовавшего на излете советской эпохи в райцентре полунищей среднерусской провинции, словно забытой у обочины жизни столичным политическим бомондом... Что ж, на Руси и один в поле воин; и в лице Ромахова при рубеже двух тысячелетий на обширном поле отечественной словесности принял свой духовный бой за усталую, унывающую человеческую душу неутомимый воин-поэт — беспокойный странник и вдохновенный певец.

Никогда в своей недолгой жизни не занимал он заметных в социальном плане постов — но и после ухода в мир иной остается неповторимой фигурой в пантеоне воронежских поэтов.

Не был Ромахов и автором научных трудов — лингвистических, литературоведческих либо иных теоретических, посвященных творческому процессу. Но — самостоятельно и увлеченно освоив огромное количество книг своих бесчисленных литературных предшественников и современников — создал собственный стиль письма, вложив полученные обширные знания в эксперименты со стихотворной формой, призванной то в сложности, то в естественной простоте своей максимально точно передать правду мысли и чувства.

Духовное странничество поэта не прекращалось никогда — но все последние свои годы он, прикрепленный к дому сыновним долгом, ухаживал за тяжелобольной матерью, которая прожила после скоропостижной смерти Александра совсем недолго...

Чувствуя сопричастность личной судьбы драматической участи родины, на сломе эпох Александр Ромахов обратился к глубинам национальной исторической памяти. По примеру древних стойков и мифологических героев фольклора он научил свою душу, обремененную многими заботами и печальми и одновременно стремящуюся в необозримую даль, двигаться к заветной цели лишь силою воли, силою мысли. И — воспарять вопреки бытовым привязкам и земному притяжению, словно в надрывном крылатом усилии поднимая с собою в небо плотное, вязкое человеческое бытие:

Я ушел по забытым следам,
Где меня загадала вода,
Где меня отражала земля,
На закатное солнце пыля...
...Не один только я здесь плутал,
На камнях свою кровь оставлял...
Дай увидеть закрытым глазам! —
Моя память плывет по холмам.

Надо сказать, что при очевидном демократизме в общении по своему духовному складу Александр Ромахов — в дружеском кругу просто «Ромка» — элитарный поэт-одиночка, испытывавший радость от книжного слова, восхищавшийся красотой форм и хранящий свой внутренний мир в своеобразной «башне из словенной кости». И это неудивительно: юность его прошла во времена по преимуществу безбожные, государственно-атеистические; тогда мало кто прилюдно обнаруживал свои духовные устремления, хотя они неизбежно прорывались в творчестве. В мятущемся естестве поэта жила душа-христианка, билось открытое и честное сердце, мгновенно отзывавшееся на беды и радости ближних. И когда перестроечным хаосом в очередной раз на русском пространстве прервалась связь времен, а потом и кровью воплощавшуюся, но год от года меркнущую мечту о царстве справедливости на земле сменили смрадные идеи дикого капитализма, Ромахов с горечью напишет:

Александр Ромахов

Я новую повесть поведал им,
Пришедшую в странном сне —
Что всех догоревших отечеств дым
Сегодня в большой цене...

Жить ему оставалось лишь несколько лет, и, быть может, какое-то тайное знание о все плотнее сжимающейся пружине личного времени наполняло ромаховские строки особой эмоциональной силой, образы — яркостью, поэтическую речь — чистотой. Как будто усталый путник на последнем издыхании, он льнул к отчей земле в поисках древней силы. Чтобы, сжав в горсти осенний прах родного пепелища, окунуться в жухлые степные травы, в грибной и лиственный запах прели русских окраинных, пригородных полесий, забыться в полусне — и пробудиться внутренне обновленным от предчувствия зарождающейся в неведомых глубинах новой жизни. А потом снова и снова поднимать в дальний путь свою душу-плоть — тяжкую, из-

раненную, в общем-то не вкусившую досыта ни отдохновения, ни покоя. И с упрямым постоянством — и смехом, и криком, и стоном, и стихом — запускать ее в низкое, покрытое тучами небо: искать его высоты, стремиться к далекому горизонту, следуя за таинственным надмирным зовом.

Я услышал, как время поет:
«Только отчина вечно зовет,
Только родина светит в тумане;
Что иное навеется — канет! —
Да и самую память сметет».
...видно, Русь и своими камнями
От нерусской тоски бережет.

Отвращения к нерусской тоске поэту не простили, писали о житейской безалаберности Александра Ромахова, о его привычке гасить невероятное нервное напряжение алкоголем, о раздражающей бытовой неустроенности...

Поэтическое наследие Александра Ромахова еще ждет своего глубокого анализа, освобождения от наносной шелухи «подлинных деталей его реальной жизни», избавления от душных навых чар. И тогда откроется в чистоте, сердечном накале и духовном преодолении его строк большой русский поэт. Так сумбурно бытовавший — но так упрямо искавший смысл бытия!.. До боли остро ощущавший его земную конечность — и одновременно воспевавший его прекрасную полноту... Принявший как достойные лишь самые высокие жизненные цели, самые неизбывные, непреходящие для человека смыслы:

Если верить — в Отчизну и Бога,
Если знать — то любовь и печаль.

Римма ЛЮТАЯ

Что, мое усталое созвездье?
 Как тебе плывется надо мной?
 Как дрожится в редком чернолесье
 И дробится выстывшей рекой...
 Где мои разбросанные братья?
 По векам так много было зол...
 Дева! я опять в твои объятия
 Миллионным августом пришел.

И не вспомнить, как мне выпадали
 Русских рун ранимые дары, —
 Одолели долгие печали,
 Ознобили горькие костры.

На душе одно об эту пору,
 Как в ущербном месяце сады, —
 Чтоб с земли беспамятство не стерло,
 Под землю
 Теплятся следы.

* * *

В просторах любого века,
 Как заповедь изначальная,
 Потребность у человека —
 Исповедальная.
 Когда оплачу я сторицей
 Живущего долгий долг,
 Загаданной — выйдет срок;
 Смертному — выйдет срок;
 Легко ли я буду помниться
 Десятком высоких строк?
 Имя — оно сотрется.
 Вечность — дорога дальняя...
 Какою она споется,
 Финишная, прощальная?..

* * *

Нет, не будет мой дом опустевше
 И печально меня окликать,
 Вспоминая в потемках нездешних
 Мою молодость, песни и стать.
 Мне — как ветру в полях, не улечься.
 Потому вот отныне и впредь —
 Принимаю Отчизну за вечность,
 Где нельзя ну никак умереть.

* * *

Этот дождь словно шорох шипящих песков;
В колбе темных часов их осталось на треть —
Два часа пополуночи.

Время стихов.

Или время бессонницы —
как посмотреть.

Запоздалое эхо,
зеркальный двойник немоты,
Обладает единственным свойством —
сквозимо;
Тополя во дворе моем старом пусты,
Мне приснилось, что я
им приснился под зиму.

* * *

День такой раскинулся погожий,
Что любой —
взахлеб стихи пиши!
Скоро ветер зимний крылья сложит,
Канет где-то в северной глуши.

Ошалеть от галочьего грая!
И в сквозной прозрачности аллей —
Вот он, свет оттаявший,
стекает
Мне в ладонь с коричневых ветвей.

* * *

Промозглым февральским вечером
По городу брел я один.
Мне люди спешили навстречу
Вдоль длинного ряда витрин.

Спешили и пропадали —
Там, у меня за спиной.
Привычные лампы сияли
Над скользкою мостовой.

Спокойно мысли сменялись,
Без скачки текли, текли...
Я шел, и дома расступались,
Оконно глаза застеклив.

Смеяться мне было не над чем,
Грустить не нашлось причин —
Февральским продрогшим вечером
Я шел по Земле один.

* * *

К полувеку — срок моей прописки
На Земле... Полсотенки витков.
И глядишь, уходим по-английски —
Настежь двери в лучшем из миров.
Пробирает небо синей дрожью...
Не всегда ли

я об этом знал? —

Оптимизм надрывного «Ну, что же!»
Лишь Есенин как-то оправдал.
На земном пиру темно похмелье...
Не с того ли

толком не понять —

Нужен ли я здесь, по крайней мере,
Или мне
По-тихому слинять?..

* * *

Из-под руки листва календарей
С ветвей недель беззвучно опадает.
Я слушаю: деревья на дворе
Зеленым песням лето обучает.
Дожди шумят, невнятные, как шепот,
Который третьему подслушать — просто грех.
И парашютиков
подмоченные стропы
у тополей лежат, как старый снег...

Проходит время на виду у всех.

* * *

Для высокого мысли низки,
А для низкого — все ж не настолько.
Непонятно кому крикну — горько! —
И опять пропадаю с тоски.

Может, что-то не так понимая,
Может, все принимая не так,
Жмусь к воротам, продрогший чужак,
За которыми нет вовсе рая.

В чистом поле ворота стоят —
Неизвестно, зачем и откуда...
Чу! опять в ожидании чуда,
Словно к богу — оттуда! — стучат.

Пускай еще не все пообветшало,
Разор великий где-то впереди,
Но даже вскользь — куда заметней стало,
Как измельчали за сентябрь дожди.

* * *

Не костром душа моя согрета,
Не листком мне по ветру кружить.
Я смотрю в редееющее лето —
Как свою оглядываю жизнь.

Сам я, сам спалю ее до срока —
В добрый час, недобрый, все равно,
Вся она живую кровью в строках
Загудит, растроченная мной.

Неспроста в опавшем этом лете
Столько внутрь ушедшего тепла...
Осень — время думать о бессмертье,
Продолжая смертные дела.

* * *

Я скажу тебе, милая, честно,
Ничего не тая на душе, —
Бесполезно
Да и
 неуместно
Вспоминать, сколько лет мне уже.
В них какой разберется
 кудесник? —
Коли надвое бабушкин звон:
Может быть,
 я славянству ровесник —
Может,
 вовсе еще не рожден.

* * *

Это будет завтра,
 в день туманный,
Будто промельк вызревших орбит;
Осень-Будда выйдет из нирваны,
Листья улетят в пустой зенит.

Тишина — что кажется, на грани
Всех безмолвий,
 и шагни вперед —
Каруселью скрипнет мирозданье,
И, опомнясь, время потечет.